

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДА

Интервью с Георгием Сергеевичем Полтавченко — полномочным представителем Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе	5
---	---

ПРОЗА

Эдуард Анашкин. Кто поцеловал меня в Рождество? <i>Рождественский рассказ</i> ...	15
Светлана Замлелова. Простые истории.....	174
Юрий Беляев. Последний сон Императора	232

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Маргарита Дмитриева. Рождество в Царской Семье	19
Дмитрий Rogozin. День Желтка	59
Илья Глазунов. Душа вымершего города.....	76
Наталья Нарочницкая. Как Британия пыталась «упразднить» германскую историю	97
Андрей Сахаров. Тайны Императорской Семьи. <i>Реальности существующей легенды (Император Александр I и старец Феодор Козьмич)</i>	220

ПОЭЗИЯ

Андрей Ребров	27
Станислав Куняев	72
Игорь Тюленев.....	210
Любовь Берзина.....	215
Николай Зиновьев	245
Виктор Дронников.....	251

СОДРУЖЕСТВО к 20-летию СНГ

Интервью с Андреем Юрьевичем Молчановым — членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, председателем Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств	32
---	----

ДИПЛОМАТИЯ

Никита Михалков. Право и правда. <i>Манифест Просвещенного Консерватизма</i> ...	38
Борис Подопригора. Уроки Победы	90

Точка зрения

Александр Казин. Свободный консерватизм и русская идея. О «Манифесте» Н. С. Михалкова	55
Игорь Андрушкевич. Коренные противоречия западной цивилизации.....	238

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Валентин Распутин. Коренная порода нации.....	69
Чеслав Кирвель, Инна Бусько. Образование как фактор национальной безопасности: сюжеты для России	115

На рубеже цивилизаций

Александр Вавилов. Новые лики терроризма..... 102

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

Сергей Лавров 133

Евгений Примаков 138

Владимир Казимиров 141

Пути ПОЗНАНИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов).

Пресыщение или воздержание. *Медицина и религия* 146

Михаил Быстров. Окончательный исход философии из Афин в Иерусалим 191

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы..... 153

ЛЕСТВИЦА

Елена Шаляпина. «С Рождеством Христовым, чада Божии!».

К 130-летию со дня рождения святителя Николая Сербского (1881–1956) 159

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Юрий Микулин. «Post scriptum»..... 167

Архимандрит Иоанн (Экономцев). Исихазм и проблема творчества 180

Знакомый ГОЛОС

Михаил Бондарев. «Поднимается в небо Андреевский флаг...». *Стихи и песни* 248

Родная РЕЧЬ

Василий Белов. Спасем язык — спасем и Россию..... 256

ПАМЯТОСЛОВ

Григорий Калужный. Третья оборона Севастополя.

80 лет со дня рождения В. В. Кожина (05.07.1930–25.01.2001) 259

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Евгений Лукин. Немолчная флейта.

О поэзии Виктора Иванова..... 278

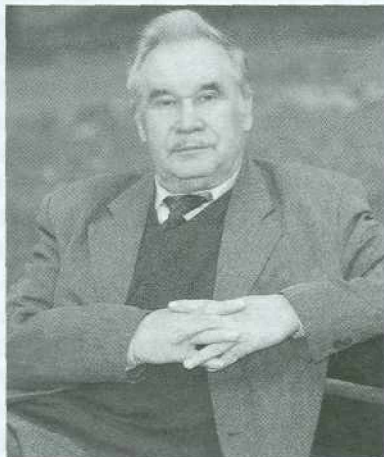
ИСКУССТВО

Валентина Ефимовская. «Служить земле своей».

О петербургском живописце Владимире Смирнове 281

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Чеслав КИРВЕЛЬ

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СЮЖЕТЫ ДЛЯ РОССИИ

Инна БУСЬКО

В последние десятилетия невиданно ускорились социальные ритмы, стремительно происходят социальные изменения, нарастают социальные риски. Глубинные сдвиги, трансформации, произошедшие в мировоззрении и мироощущении людей, определяют судьбы современного общества. XX век отверг привычные опоры существования человека,

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Родился в 1945 г. в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 г. окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 там же — аспирантуру. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. В 1977—1980 гг. работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. С 1980 г. возглавляет кафедру философии в ГрГУ им. Я. Купалы. Автор более 200 научных работ, в том числе книг: «Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции», «Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире», «Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов», ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. Живет в г. Гродно, Беларусь.

Инна Владимировна Бусько — кандидат философских наук, доцент. Родилась в 1962 г. в пос. Хвоенск Житковичского района Гомельской области. В 1985 г. окончила Новосибирский государственный университет им. Ленинского комсомола. Работала преподавателем в Новосибирском фармацевтическом училище. В 2002 г. окончила аспирантуру при кафедре философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. С 1998 года работает на кафедре общественных наук Гродненского государственного аграрного университета. Автор более 40 научных публикаций по философии. Живет в г. Гродно, Беларусь.

которые признавались в прошлом, не создав новых надежных оснований. Подвергаются пересмотру системы традиционных ценностей, определявших модели человеческого существования в течение веков, продолжается наступление на наследие традиционных религий и даже модернистских идей светского гуманизма. В условиях апологии глобализации, когда прозрачными становятся экономические, финансовые, информационные границы, внимание масс, ставших весьма своеобразной, но (такова реальность) основной социальной силой современности, усиленно привлекается к «глобальным проблемам», «глобальным рискам», «глобальной нестабильности/стабильности». При этом девальвируются понятия национальных интересов, национального развития и достижений, национальных приоритетов. Они либо рассматриваются как уступающие по своей значимости и подчиненные проблемам глобального масштаба, либо наполняются узким этническим смыслом и сводятся к попыткам местечкового этнического самоутверждения. Споры нет, глобальные кризисы и угрозы реальны и опасны для всего человечества. Несомненно и то, что этническое разнообразие культур — важнейший фактор устойчивости антропосферы. Однако, можно ли преодолеть глобальные проблемы махом, сразу на всепланетарном уровне, не решая проблем регионального, локального развития, которое по-прежнему происходит в пределах отдельных государств и их союзов? С другой стороны, выпячивание этнического фактора, особенно если речь идет, как ни банально, о малых по численности народах, оборачивается либо трагическими межэтническими конфликтами, либо комическими преувеличениями этнических достижений и перспектив, за которыми стоят временные и, как правило, частные интересы корпораций конструкторов новых «исторических» народов.

В условиях глобальной войны за ресурсы, территории, финансовое могущество особое значение приобретает информационная война. В стратегии этой войны основными мишенями выступают сильная государственность, цивилизационное своеобразие, духовное самостояние. По одну сторону баррикад в этой войне — структуры и институты, заинтересованные в глобализированном мире, формировании глобальных кластеров власти, которые предоставят бесконечные возможности немногим, по другую — историческая судьба и самостоятельность уникальных цивилизаций и стран, суперэтносов и наций, которые замедляют новый передел мира.

У национальной безопасности множество опор. К ним относятся: сильные современно вооруженные армия и флот, устойчивая семья, в которой подрастают хотя бы 2–3 ребенка, общие для нации историческая память и цели, идеи судьбоносного духовного единства, т. е. национальное сознание. Все эти опоры в России последних десятилетий подвергались и подвергаются разрушению.

Задумаемся: чем можно объяснить настырное навязывание пренебрежения к нации, державности, отвращения к историческому пути и духовному опыту России, которое прослеживается в преобладающей информационной среде (СМИ, Интернет)? Похоже, за ним скрываются отнюдь не стратегии глобального процветания, но, увы, лукавое продвижение интересов и целей регионов и стран, претендующих на глобальное господство или по крайней мере на особые приоритеты в глобализирующемся мире. Дело в том, что русское национальное сознание не сводилось и до сих пор не сводится к

этническому масштабу. Оно имеет историческую специфику, существенную и для населения России, и для судеб народов, вовлеченных в православное цивилизационное пространство. Специфика эта в том, что русское национальное сознание (а русские в России — государствообразующий народ, стержень нации) по своей сущности государственно-сверхнациональное, поскольку так сложилось исторически, и в то же время духовно-наднациональное, поскольку формировалось в рамках восточно-христианской духовной традиции, причем эти его особенности взаимно полагают друг друга. В историческом бытии государственность и Православие были решающими факторами перешагивания этнокультурных, хозяйственно-бытовых, диалектно-языковых отличий, характерных для восточнославянских народов, что позволяло им совместными усилиями совершать исторические восхождения, объединявшие их и внутренне, и для внешнего мира в единство «русскости» с ее особым культурно-цивилизационным проектом. То есть, если не вдаваться в хитросплетения дефиниций, русское национальное сознание по природе своей не является сознанием узко этническим, оно имеет более широкий масштаб и потенциал: в исторических бифуркациях судеб народов Евразии русь, русские (что в моменты исторических свершений было тождественно восточнославянскому социуму) явились ядром созидания одной из самых успешных в последнее тысячелетие наций и цивилизаций — народов Российского государства в различных его формах и ипостасях (включая Советский Союз). Поэтому вне государственно ориентированной (в подлинном смысле этого слова) идеологии и вне православной традиции русское самосознание стремительно искажается, умаляется и становится разрушительно опасным для его носителей и общества в целом. Понимают ли это современные элиты, рвущиеся в глобальную «расу господ»? По всей видимости, понимают. Поэтому цель постепенной стерилизации русского национального самосознания неявно, но последовательно реализуется даже в современной России. В других постсоветских странах это можно объяснить интересами местных узкоэтнических элит, которые грубо и поспешно конструируют новые «нации» малых пространств, движимые зачастую личными амбициями и толчками русофобов с Запада. В самой России правящие элиты перестроечных и постсоветских времен сознательно или неосознанно обеспечивают себе временное место под солнцем, сдавая национальные интересы под давлением странных для гражданина мотиваций вхождения России в глобальный мир любой ценой, в том числе и в качестве его индустриально немощного и культурно варваризированного сырьевого придатка. Не удивительно, поскольку идея национального (державного) величия может явиться непреодолимой преградой на пути ослабления России, доступа к ее потенциально национальным, хотя и денационализированным корпорациями олигархов, природным богатствам. И хотя в сегодняшней России понятие национальной безопасности как будто бы остается в ходу, в реальности оно, в духе времени, превращается в означающее без означаемого, симулякр, который используется как своего рода обезболивающее в процессах трансформации массовой психологии из державной, национальной в индивидуально-примитивную, обывательскую, которая лишает Россию шансов реальной модернизации и цивилизационного возрождения.

Национальная безопасность современной России не может быть обеспечена асоциальной политикой финансовой и сырьевой олигархии, ее не от-

стоит и армейско-оборонная система, если основным бастионом национальной безопасности не выступит в целом информационная сфера, в которой важное место занимает система образования. Увы, в информационном пространстве глобализирующегося мира, частью которого являются институты образования, есть явные доминанты — это рожденные в предпринимательско-протестантской среде Запада индивидуалистические идеалы корыстолюбия и культуры туловища, стандарты безудержного потребления и массовой бездуховности. Но, как ни странно, даже в регионах, которые постоянно ставятся в пример постсоветским обществам, в США и Западной Европе, а также в развитых странах Азии и Латинской Америки социально деструктивные образцы массовой культуры сдерживаются и компенсируются по-разному: где-то идеями патриотизма и мифом эталонности развития (как когда-то в Советском Союзе), где-то — традиционными ценностями, религией. В каждом случае в качестве противовеса, для защиты своих национальных интересов и культуры государство широко использует возможности системы образования и просвещение в СМИ. К примеру, единственный урок, который гарантируется Конституцией в современной Германии — это не урок немецкого или математики, а урок религии. Серьезные ограничения для американизированного массового культурпродукта введены в Южной Корее и Франции. К сожалению, на постсоветском пространстве СМИ, особенно телевидение, сыграв роль основной силы в дискредитации советского проекта, не стали конкурировать в реализации новых, созидательных для социального и личностного развития стратегий. Ведущий программы «Очевидное — невероятное» (на основных каналах российского ТВ даже ее сочли, по-видимому, не соответствующей проектам вхождения России в глобальный мир) известный ученый С. Капица отмечает: «Национальной идеей становится то, что показывают по телевидению. То, что показывают, не нужно лишней раз описывать... Могу сказать, что ни в одной стране такого отношения, как у нас, к просветительской функции ТВ и вообще к морально-воспитательному аспекту нет. Я хорошо знаю телевидение Англии, видел то, что происходит в Америке, во Франции... В США существует грандиозное количество каналов — там можно найти все, что угодно. Но если вы возьмете политику и стандарты главных, основных сетей, то это, конечно же, патриотизм»¹. Можно без преувеличения утверждать: в России возникло состояние информационной среды, явно угрожающее ее национальной безопасности. Увы, система образования — как средняя, так и высшая школа — несет на себе отпечаток общего состояния культуры, постепенно трансформируется в систему подрыва национальных интересов. Еще недавно полностью бесплатная (не все современные студенты готовы в это поверить!) советская система образования обеспечивала достаточно высокий интеллектуальный уровень населения в целом, обладала методиками, дававшими в результате не только специалистов среднего и высшего уровня, но и выдающихся ученых-основоположников всемирно известных научных школ, вместе с чем, надо признать, вполне успешно выполняла и воспитательные функции в соответствии с определенным социальным заказом, одновременно, пусть и через «Моральный кодекс строителя коммуниз-

¹ Бобров А. Фуфлыги, дутики, прыщи // Литературная газета. — 30 июня — 6 июля 2010. — № 26 (6281). — С. 10

ма», отстаивая универсальные морально-нравственные ценности. Теперь же та самая «невидимая рука рынка», которая сама по себе должна была в соответствии с либеральным мифом привести «застойное» советское общество к уровню процветания европейского и американского, разрушила на постсоветском пространстве основные производства, сельское хозяйство, инфраструктуру и железной хваткой держит за горло систему образования.

В целом система образования имеет три основные стороны-функции — интеллектуальную, социализирующую и нравственно-воспитательную. Связаны ли эти функции с вопросами национальной безопасности? Несомненно. Действительно, интеллект нации обеспечивает ее конкурентоспособность по отношению к другим народам в вопросах развития науки, техники, экономики в целом, позволяет поддерживать достойный уровень жизни и цивилизации. Через социализацию решаются проблемы взаимодействия личности и общества, воспроизводится продуктивный для социума и самого себя тип человека, сохраняется личностная и социальная идентичность. Воспитание нравственности придает человеку и обществу подлинно «человеческое лицо», делает отношения между ними ответственными. В России рынок «отрегулировал» — придушил все. Коммерческий дух лишает образование должной взыскательности к обучающимся, поскольку студент-платник выступает источником благосостояния вуза, а от количества учеников в классе зависит зарплата учителя. К дурной бесконечности стремится количество вузов, обучающихся в них и обладателей дипломов о высшем образовании безотносительно к качеству знаний и уровню подготовленности специалистов. Система обучения и контроля знаний трансформируется таким образом, что исчезают всякие надежды на развитие у школьников и студентов самостоятельного критического мышления, умения рассуждать. Что же касается воспитательных аспектов, то их спонтанно, но четко обозначил своей известной репликой один высокопоставленный чиновник образования и науки: производить потребителей и исполнителей. Может быть, подготовку производителей нужного продукта и руководителей (успешных менеджеров) нынешняя российская элита подсознательно связывает с заграничными колледжами и университетами, куда все чаще отправляются на учебу дети верхов? А в Сети уже обсуждаются возможные последствия нового законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», принятого Государственной Думой в третьем чтении 23 апреля 2010 года и одобренного Советом Федерации 28 апреля, по которому бюджетным учреждениям России, в том числе и школам, разрешено зарабатывать деньги. При этом в средней школе полностью бесплатным остается набор основных дисциплин, дополнительные и профессионально-ориентирующие государство будет оплачивать лишь частично, основные затраты лягут на семейный бюджет.

Коммерциализация образования, превращение его в рынок «образовательных услуг» привели к тому, что фактически стремительно снижается интеллектуальный уровень выпускников (как школ, так и вузов). Введение ЕГЭ привело к замещению системного освоения школьных предметов натаскиванием на успешную сдачу тестов. Комментируя востребованность массового высшего образования, министр образования и науки, отмечает, что если «вчера образование было для достаточно четко ограничен-

ного круга лиц», то «сегодня в вузы идут не только те, кто могут, но и те, кто не хотят»². Какими бы сиюминутными мотивами это не оправдывать, неплохо было бы подумать о долгосрочных социальных последствиях деградации уровня образования. Что касается задач социализации и нравственного воспитания, то здесь происходят изменения, очевидно противостоящие интересам нации и общества: перечень изучаемых предметов, часы, отводимые на их изучение, содержание программ воспроизводят принцип «фиги в кармане»: под лозунгами усовершенствования, апелляции к «опыту развитых стран», целями «вхождения в Болонское соглашение», «общевропейское пространство», «глобальный мир» проводится разрушение той составляющей системы образования, которая связана с формированием гражданина, патриота, нравственной, социально ответственной личности. Если в содержании преподавания отечественной истории дело зашло так далеко, что последовал гневливый окрик «с самого-самого верха», то не стоит удивляться усечению часов на русскую словесность, общему сокращению социально-гуманитарной компоненты образования. Как ни странно, научно-технологическим успехам Финляндии и Германии не препятствует изучение по выбору родителей или школьников основ религиозной культуры или светской этики, но когда был поставлен вопрос о введении в средней школе России предмета, посвященного изучению основ православной культуры, то многие «инженеры человеческих душ», как «физики», так и «лирики», встали дружным фронтом против «мракобесия» и «поповщины», не задумавшись о противовесах безнравственности и коррупции, ставших смертельно опасными для российского социума. Сама лихорадочность, перманентность трансформаций в образовании наводит на грустные размышления: система, дающая не только не сиюминутный, но отложенный на десятилетия долгосрочный результат, подвергается экспериментированию в отсутствие обратной связи (с педагогическим сообществом, родителями, обществом в широком смысле слова), без прослеживания последствий нововведений, без ввода долговременных, стратегических для нации критериев и целей образования. Что движет решениями чиновников от образования? Экономия искусственно заниженного госбюджета? Стремление постоянно демонстрировать свою активность ради активности? Осознает ли управляющая элита связь системы образования и вопросов национальной, геополитической безопасности страны?

Сторонники образовательных реформ постоянно апеллируют к глобализационным процессам. Между тем глобализация образования протекает в настоящее время однобоко в форме европеизации и даже американизации, причем фрагментарной, произвольно-усеченной, без учета факторов, которые могут обнулить даже благие нововведения. Все страны, добившиеся существенного экономического развития, начинали с мощной поддержки системы образования и финансирования научных исследований, продолжая и поныне вкладывать в систему образования огромные средства. Так было и в Советском Союзе. Даже в ситуации нынешнего экономического кризиса первым из пяти стратегических направлений в распределении национального 35-миллиардного займа во Франции стало высшее образование.

² Новости образования в России // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2010. — № 1. — С. 3.

Что же теперь в России? Вот как Президент Всероссийского фонда образования, академик РАЕН Сергей Комков комментирует предстоящую школьную реформу: «Все страны мира идут к бесплатному образованию, не только среднему, но и высшему. Большая часть стран Европы идет к этому. В Германии к 2020 году 90 % высшего образования будет бесплатным, а в Японии вообще все высшее образование бесплатно. У нас же к 2020 году, наоборот, 90 % высшего образования будет платным. А теперь хотят еще и за среднее деньги брать. При этом доходы государства вполне достаточны для того, чтобы обеспечить полноценное финансирование. Это фактически говорит о том, что Министерство образования берет курс на сокращение доли расходов на эту сферу в валовом внутреннем продукте. По этому показателю (а у нас он составляет 3,5 %) мы и так отстаем от передовых стран мира. Средний процент обычно — 7–8. В США это 11 %, в Японии — 14 %, в Финляндии — 16,5 %, в Южной Корее и на Тайване — более 20 % ВВП расходуют на образование. А мы катимся в категорию стран третьего, если не четвертого мира, приближаясь к Нигерии, Непалу и т. п.». Создается впечатление, что затраты на образование госуправленцы начинают рассматривать в категориях экономизма как непрофильные вложения.

Среди приверженцев глобализации образования распространенным становится выражение «университет европейского типа», произносимое с особым пиететом. При этом забывается о многовековой истории отечественного образования и общепризнанных выдающихся успехах российской, в том числе и советской науки. А ведь куца история американского образования не идет ни в какое сравнение с историей образования восточнославянских народов. Да на Западе и нет университетов единого типа. Не случайно в Великобритании прижились словосочетания «каменный (кирпичный) университет» и «стеклянный университет». За первым стоят старые университеты, с прочными, не зависящими от чиновничьего рвения и интересов традициями, с высоким качеством знаний. За вторым — университеты новые, высокого статуса не имеющие.

Надеясь, что, внедрив двухступенчатую систему образования в вузе, мы добьемся процветания отечественной экономики, — такая же иллюзия, как идея о том, что под воздействием евроамериканских ценностей все народы мира (нации, этносы) с их бесконечно разнообразными культурами будут трансформированы в некое единое аморфно-всеобщее человечество. В многообразии человеческого духа, многоцветии культур народов — жизненность и сила человеческого рода. Исторически сложившееся деление человечества на культурно-исторические типы, или, как принято сегодня говорить, на различные локальные цивилизации, является непреодолимым препятствием на пути реализации глобального проекта унификации человечества. «Предрасположенность к различиям между культурами — изначальное свойство рода человеческого; человеческая идентичность плюралистична и разнообразна по своей природе — как многочисленны и разнообразны естественные языки и она всегда является разновидностью конкретных форм общественной жизни, но не воплощением единой «человечности»³. Почему бы на такого рода идейной основе не допустить нормальное разнообразие

³ *Грей Д.* Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. — М., 2003. — С. 133.

в формах образования? И если следовать образцам, то лучшим, проверенным временем и собственным опытом. Тем более, что западная цивилизация вступила в полосу эволюционного кризиса и центр мирового развития постепенно смещается на Восток.

Говоря о Болонской декларации, совершенно точно подмечает А. М. Егорычев: «...европейское сообщество при разработке соответствующей стратегии учитывало ресурсы, состояние, национальные и социальные особенности, социокультурные стереотипы своего сообщества, но ни в коей мере не наши, российские»⁴. Наша система образования сложилась в специфических условиях собственной истории, уникального менталитета народа и особой среды местоживания. Существенное воздействие на нее оказали идеалы православного вероисповедания — коллективизм, гуманность, жертвенность ради общего дела. Западное образование складывалось в иных условиях с доминированием протестантской линии вероисповедания с ориентацией на достижение материального благополучия, успех, предполагающий повышение социального статуса, гедонизм как вожделенную цель и индивидуализм, означающий, что общие проблемы решаются не на основе душевных отношений, а формальным образом. Не трудно понять, как непросто совместить те и другие ценности. Рассчитывать на то, что наши ученики и студенты перестанут списывать и подсказывать друг другу — такая же оторванность от реальности, как ожидания того, что американские начнут это делать. Кстати, те страны, которые ныне имеют наиболее высокие средние показатели интеллектуального развития учащихся, активно и эффективно используют опыт советской модели образования, как, например, Финляндия в деле организации школьного обучения, а Япония в создании у себя центров, подобных новосибирскому Академгородку. А вот то, насколько национальным интересам постсоветских обществ соответствует академическая мобильность в результате унификации подготовки студентов и взаимного признания дипломов по Болонской конвенции — тема для отдельного разговора, тем более что по ряду специальностей (например, по физике) до сих пор и уровень подготовки российских студентов не уступает лучшим университетам мира, и дипломы котируются всюду⁵. Как отмечает В. А. Сластенин, говоря о будущем общества, «образованность и интеллект все больше относятся к разряду национальных богатств, а духовное здоровье человека, разносторонность его развития, широта и гибкость профессиональной подготовки, стремление к творчеству и умение решать нестандартные задачи превращаются в важнейший фактор прогресса страны. В этих условиях выработка самостоятельной образовательной политики — первоочередная цель и обретение самостоятельности России»⁶.

Что же скрывается за декларациями о благотворном воздействии глобализации на мировой цивилизационный процесс, о необходимости глобализации

⁴ Егорычев А. М. Национальные духовные традиции в формировании российской системы образования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). — 2010. — № 2. — С. 34.

⁵ Хохлов Д. Р. О проблемах физической науки и образования в современных условиях // *Alma mater* (Вестник высшей школы). — 2010. — № 3.

⁶ Сластенин В. А. Основные тенденции развития современной образовательной политики в Российской Федерации // *Педагогическое образование и наука*. — 2005. — № 3. — С. 20.

образования? Есть ли субъекты у этого процесса? Ответ будет положительным. Существуют силы, крайне заинтересованные в унификации образования, лишении его национальной специфики, умалении роли социогуманитарного знания. Ларчик открывается, когда узнаешь, что высшее образование включено в Генеральное соглашение по торговле и услугам ВТО. «Рынок образовательных услуг. Вот это и есть главное для Болонского процесса», — замечает А. Фурсов⁷. Образование, традиционно решавшее проблему вхождения новых поколений в жизнь общества, превращается в банальный рынок. В сфере же гуманитарного образования «глобализация напоминает культурный империализм — улицу с односторонним движением, по которой транслируются взгляды и ценности, выгодные доминирующей культуре»⁸.

Таким образом, субъекты глобализации оказываются в явно неравных условиях. Выигрывают ТНК и экономически более развитые страны. Для остальных стран глобализация протекает в форме копирования чужеземного опыта. Это догоняющая имитационная модель развития. Из истории известно, что она еще никому не принесла успех. Напротив, этот путь обрекает народы на роль вечных аутсайдеров.

Попробуем разобраться, что же в настоящий момент особенно важно обеспечить в системе образования современной России для защиты ее национальных интересов и создания достойного русской культуры и истории цивилизационного центра в Евразии. В качестве противовеса безжизненной массовой культуре, насаждаемой СМИ, информационным провокациям и дискредитации ценностей национального и цивилизационного своеобразия могут и должны выступить социально-гуманитарные дисциплины. Именно они, в отличие от естественных дисциплин, дают прямой социальный и гуманитарный эффект, позволяют изменить взгляды людей на прошлое и будущее, задать атмосферу социальной интеграции и солидарности. Кстати, в этой сфере есть огромный простор для поиска и творчества, поскольку ее развитие ныне **не на высоте** в странах-лидерах глобализации. Как отмечает Х. Мэнсфилд, «в настоящий момент университеты — движущая сила в негуманитарных науках и препятствие — в гуманитарных и социальных. В этих областях университеты уже утратили ощущение цели и предназначения. Кажется, что профессора неточных наук в последнее время не очень-то уверены в том, что их деятельность приносит какую-нибудь общественную пользу. И эта ситуация типична для всех интеллектуально развитых стран — кризис налицо. ...Профессора гуманитарных и социальных дисциплин в целом не демонстрируют уверенности, когда дело касается актуальных социальных или политических вопросов, — они обсуждают лишь узкоспециальные вопросы и отражают лишь одну сторону политических дебатов»⁹.

Ввиду того, что роль социогуманитарного познания и образования в формировании жизнестойчивости общества и национальной безопасности

⁷ Фурсов А. Новое оружие сильных против слабых? // Москва, 2009. — № 9. — С. 143.

⁸ Кочетков В. В. Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации // Вестник Московского университета. — Серия 18. — 2005. — С. 158.

⁹ Мэнсфилд Х. Университеты препятствуют прогрессу // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Universitety-prepyatstvuyut-progressu>

государств в ряде стран современного мира явно принижается, необходимо хотя бы кратко остановиться на рассмотрении некоторых реально-жизненных сюжетов, имеющих прямое отношение к данному вопросу.

Сюжет 1. Ю. В. Андропов, долгое время возглавлявший Комитет государственной безопасности Советского Союза, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, т. е. первым лицом государства, вдруг к удивлению всего мира заявил: мы не знаем общества, в котором живем. И не мудрено: как можно было знать общество, если социогуманитарное познание было зажато в тиски государственной идеологии, во все возрастающей степени теряющей адекватность реальным социальным процессам. Неудивительно, что по прошествии нескольких лет после такого признания генсека Советский Союз, обладавший на то время высоко развитым промышленным потенциалом и могучими вооруженными силами, распался как карточный домик.

Факты свидетельствуют о том, что самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера — сознание и ценностные ориентации граждан. Всякие социальные трансформации, социальные катаклизмы, революции, в том числе и «цветные», подготавливаются незаметными, постепенными изменениями в общественном сознании. Почему пал Советский Союз и никто не стал его защищать? Потому что к тому времени он потерял опору в сознании значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т. д. И не помогли ему устоять ни армия, ни самый богатый на планете ресурсо-энергетический потенциал, ни передовые космические технологии. Он проиграл в духе, идеологии, в сознании и поэтому был обречен.

Значимость духовной сферы в исторических судьбах народов была отмечена еще в XIX веке Гюставом Лебоном, который писал: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд, определяются, главным образом, политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. **Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей** (выделено нами. — Ч. К., И. Б.)¹⁰.

Сюжет 2. Поставим вопрос: кто из политиков на постсоветском пространстве в течение последних 20-ти лет учитывал данные социогуманитарных наук, кто из них в своей повседневной деятельности ориентировался на их достижения? Можно определенно утверждать, что большинство из них действовали исключительно ситуативно, занимались «латанием дыр», пытались как можно быстрее решить текущие, сиюминутные проблемы с целью удержаться «на плаву» и иметь возможность переизбраться на новый срок властных полномочий. Само собой понятно, что в этой обстановке далеко не каждому субъекту политического действия удавалось преодолеть состоя-

¹⁰ Лебон Г. Психология народов и масс // [http: www.israelsshamir / marx132ntm](http://www.israelsshamir/marx132ntm)

ние «временщика» и подняться до уровня стратегического, перспективного характера мышления.

Сегодня, когда в истории резко возросла роль субъективного фактора, который обнаруживает себя в форме усиления влияния различных идеологических доктрин, теоретических проектов и моделей общественного переустройства на судьбы народов и цивилизаций, принимать политические решения на основе интуитивных озарений, «с кондачка», методом «проб и ошибок» чрезвычайно безответственно и опасно. Решения, которые не опираются на глубокое понимание происходящих в мире процессов, не имеют под собой теоретически выверенных оснований, солидной экспертной проработки, разве что случайно могут быть правильными и привести к каким-либо положительным результатам. В принципе, государственных деятелей, которые замыкаются лишь в пространстве политически актуального, оказываются в плену текущих и сугубо прагматических значимостей и не учитывают при этом ценностно-мировоззренческий фон в обществе и реальное состояние общественного сознания, не ориентируются при выработке тех или иных решений на «дальние горизонты», всю палитру добываемых наукой знаний о специфике и характере современной социальной динамики, ждет незавидная судьба. В конечном счете, они так или иначе окажутся в ситуации, подобной той, которая врасплох застигла в начале 90-х годов прошлого века кремлевских геронтократов.

Сюжет 3. Сегодня ситуация с социогуманитарным знанием вообще приобретает драматический характер. Практически во всех постсоветских странах идет процесс интенсивного сокращения финансирования всяких исследовательских программ социогуманитарной направленности. В лучшем случае оно осуществляется по остаточному принципу. При этом такая же тенденция набирает силу и в системе высшего образования: с неумолимой последовательностью в последнее время в структуре учебной нагрузки идет сокращение ее социогуманитарной составляющей. Это весьма опасный, можно даже сказать, разрушительный для социума процесс. Разве запоздалая реакция на глобальный финансово-экономический кризис политиков, предпринимателей и работников социальной сферы не свидетельствует о разрывах в системе отношений властных структур с наукой вообще и социогуманитарным знанием в частности? Попытки решать сложнейшие вопросы управления социальными процессами, пренебрегая добытыми социогуманитарными науками знаниями и опираясь только на принцип политической целесообразности и практический опыт, способны привести к подлинным социальным катастрофам.

Узколобый, утилитарно-технократический подход к социогуманитарным наукам, непонимание их роли в развитии социума в современных условиях нарастания мегарисков, связанных с наличием оружия массового поражения, опустошением земных недр, изменением химического состава жизненной среды, с проблемой сохранения человеческой идентичности, которой угрожает вмешательство в генетическую структуру и психику индивида, ничего иного, кроме серьезного и обоснованного беспокойства, вызывать не может. Не случайно всемирно известные ученые категорически настаивают на необходимости усиления значимости социально-гуманитарных наук в наше чреватое большими социальными потрясениями время. Например, известный французский ученый Клод Леви-Стросс со всей определеннос-

тью заявлял, что XXI век будет или веком гуманитарным, или его вообще не будет. Да и в прошлом роль социогуманитарного познания и образования в развитии и самоутверждении народов и государств была исключительно важной. У Бисмарка, много сделавшего для объединения десятков германских стран в единое государство, были все основания утверждать, что битву при Седане (сентябрь 1870 г.) в ходе франко-прусской войны выиграл школьный учитель.

Сюжет 4. После Второй мировой войны США сосредоточили у себя две трети специалистов-антропологов (обществоведов) от их общего на тот момент количества во всем мире. И они развернули исследования во всех уголках нашей планеты. Был собран колоссальный объем знаний о духовной сфере человека самых разных культур и в самых разных ситуациях. Его соединили затем с новым знанием о сложных системах — синергетикой, моделирующей закономерности перехода «порядка в хаос» и наоборот. На основе новых представлений и массива эмпирических данных были созданы поразительные по эффективности технологии управления поведением больших масс людей. И эти технологии были весьма успешно использованы, прежде всего, против Советского Союза¹¹.

Следует особо подчеркнуть, что именно в ходе современных реформ, осуществляемых на основе идеологии неолиберального фундаментализма (который, кстати сказать, ничуть не лучше исламского фундаментализма), оторванность верхов (элиты) от народа беспрецедентно усилилась. С началом всеобщего распространения новейших информационных технологий (формированием «информационного общества»), давших старт глобализации, в этом процессе обнаружилось принципиально новые измерения. Возникшие глобальные информационные поля оказались способными действовать на сознание людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции сознанием в планетарном масштабе. И что здесь удивительно: первыми жертвами этих открывшихся новых информационных возможностей явились элиты народов, отставших в своем развитии от стран-гегемонов — лидеров глобализации. Современным глобалистским структурам нет нужды воздействовать на сознание всего населения той или иной страны с целью формирования у него нужных для этих структур установок и ориентиров. Достаточным оказывается значительно более простой и менее затратный вариант: добиться желаемого поведения общества воздействием не на все его слои, но лишь на сознание элиты. Так, транснациональные структуры и институты, концентрирующие в своих руках колоссальные финансовые ресурсы, и, что очень важно, коммуникативные сети, получили возможность с очевидно растущей легкостью подчинять себе национальные правительства, которые в силу этого перестают быть, по сути дела, национальными, что хорошо сегодня видно на примере некоторых государств Латинской Америки и стран СНГ. Подвергшись форсированной обработке сознания (формы здесь могут быть самые разные), элита начинает иначе, чем возглавляемое ею общество, мыслить, исповедовать другие мировоззренческие ценности, по-другому воспринимать окружающий мир и реагировать на него. Оторвавшаяся от общества элита утрачивает не только свою социальную эффективность, но и свою общественно

¹¹ Батчиков С. За флажками! // Завтра. — 2009. — № 36 (824).

полезную функцию. Такая возникшая в обществе ситуация уничтожает сам смысл демократии, поскольку исходящие от него импульсы, представления и идеи просто не воспринимаются элитой (она живет в другом мире). Соответственно народ до очередного социального катаклизма перестает влиять на выбор направлений развития и принятие решений. «В результате потенциал демократии съезживается до совершенно незначительных размеров самой элиты. *С какой скоростью и насколько при этом незаметно для общества протекает данный процесс наглядно демонстрирует пример нашей страны, — пишет российский исследователь М. Г. Делягин, — в которой «демократы» уже к 1998 году, т. е. за семь лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты — за семьдесят лет своего»*¹².

«Дезертирство элит» (выражение А. С. Панарина) в нашу эпоху — явление сложное, многоаспектное. Но в любом случае оно не только «естественно-историческое», спонтанное. Наряду со всем прочим следует особо подчеркнуть, что это явление вполне сознательно инспирируется и проводится в жизнь. Здесь достаточно сказать, что в современных западных странах, прежде всего США, действует немало «аналитических институтов», «мозговых трестов» и т. д., направленных на *идеологическое программирование* сознания элит стран мировой периферии с целью установления «нового мирового порядка». Задача всех этих центров — научить местные элиты смотреть на национальную политику через призму «глобального подхода», т. е., по сути дела, сориентировать их исключительно на обслуживание интересов наиболее экономически развитых стран. Будучи мощными генераторами идеологии, эти и подобные им аналитические институты «создают тонким и опосредованным образом мировоззренческие аксиомы для посвященных и стереотипы для профанов»¹³, разворачивают активную деятельность, подменяющую и дополняющую работу дипломатии и идеологической разведки США и западноевропейских государств. Наиболее ярким воплощением этих институтов, трестов и центров является Совет по внешним сношениям в США. Многие эксперты полагают, что как центр принятия решения Совет по внешним сношениям стоит даже над администрацией США¹⁴.

Результат деятельности «мозговых трестов» — создание во многих государствах «пятых колонн», действующих внутри своих стран и против своих стран. Именно такого рода «пятая колонна» в значительной степени поспособствовала успешному развалу Советского Союза. Очевидно, было создано мощное организационное оружие, которое обеспечивало победу без прямого применения военной силы.

Сюжет 5. В тот период нашей истории, который у нас и за рубежом именовали поначалу «перестройкой», а теперь справедливо именуют «номенклатурным» или «аппаратным» переворотом, чуть ли не во всех периодических изданиях развернулась умело организованная кампания по дискредитации вообще всякого социогуманитарного образования и всякого социогуманитарного знания. Настойчиво навязывалось мнение, что мы,

¹² Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. — М., 2003. — С. 177–178.

¹³ Нарочницкая Н. А. «Аналитические институты» — глаза, уши и мозг Америки // Наш современник. — 2004. — № 3. — С. 185.

¹⁴ Там же.

наконец, вступаем в эпоху без всяких идеологий, что нам не нужны никакие общественные науки, нужно просто готовить хороших профессионалов, знающих свою работу, и т. д. Дело дошло до того, что в различных инстанциях вполне серьезно обсуждался вопрос о кардинальном сокращении всякой социогуманитарной составляющей в образовательном процессе, в частности был поставлен вопрос об отказе от социогуманитарной подготовки аспирантов как совершенно излишней и отмене экзаменов кандидатского минимума, кроме экзамена по специальности. Правда, нашелся один человек, который восстал против всего этого. Это был ректор МГУ В. Садовничий. Он доказательно обосновал мысль, что в структуре российского образования и системе научных исследований недопустимо всякое игнорирование социогуманитарной составляющей. Напротив, для совершенствования и развития российского образования и системы научных исследований чрезвычайно важно сохранить их фундаментальный характер и направленность. Надо отдать должное Садовничему, он в значительной степени воспрепятствовал процессу духовной кастрации российского образования.

Позже выяснилось, что вся эта кампания была инспирирована и оплачена различными неправительственными организациями, действующими в интересах США и других западных стран. Цель этой кампании — разложить духовно и подорвать безопасность своего пока еще не до конца добытого геополитического противника.

Сюжет 6. Сегодня, как это, собственно, бывало и раньше, мы постоянно сталкиваемся с феноменом порой весьма недружественных отношений между представителями естественных и гуманитарных наук. В свое время этот феномен блестяще описал английский исследователь Чарльз Сноу в своей книге «Две культуры». Будучи по образованию физиком, Ч. Сноу обладал талантом и призванием писателя. Благодаря этой особенности своей биографии он общался и с учеными-естественниками, и с гуманитариями, писателями, художниками, философами. Днем он работал в институте физики, вечером проводил время в литературных клубах. Это позволило ему заметить, что естественники и гуманитарии, его друзья, хотя и обладают одинаковой силой интеллекта, принадлежат к одной расе, вместе с тем живут настолько разными интересами и в такой непохожей психологической и моральной атмосфере, что между ними пролегла непроходимая пропасть, преодолеть которую труднее, чем переплыть океан. Чарльз Сноу пишет: «На одном полюсе художественная интеллигенция, на другом — ученые и как наиболее яркие представители этой группы — физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда, особенно среди молодежи — даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, — непонимание. У обеих групп странное, извращенное представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций»¹⁵.

Чарльз Сноу охарактеризовал это явление как две культуры, замкнутые и изолированные одна от другой. Причем представители первой из этих культур делают упрек представителям другой за законченный индивидуализм, субъективизм, а также иррационализм и стремятся показать, к каким тяжелым последствиям это может привести; в то время как представители

¹⁵ Сноу Ч. Две культуры. — М., 1973. — С. 78.

другой стремятся доказать, что естественнонаучный подход к человеческой жизни, который наблюдается у представителей первой культуры, ведет к разрушению духовных ценностей, обеднению личности и в конечном итоге к уничтожению культуры. Ч. Сноу в таком разрыве культуры на гуманитарную и естественнонаучную, а ее лучших представителей — на знатоков человека и общества, с одной стороны, а с другой — ученых-натуралистов увидел национальную трагедию Англии, от которой надо срочно избавляться.

В чем же здесь трагедия? Дело в следующем: развитие производства в период индустриализации общества, углубление разделения труда привели к тому, что уделом человека стала узкая специализация. В фабричном производстве это выразилось в том, что человек превратился в придаток машины, т. е. в такого человека, который мог механически выполнять лишь одну функцию, скажем, в течение всего рабочего дня подставлять болванку под пресс и ничего другого. Естественно, такой человек в силу своего объективного положения не может не быть односторонним и частичным. Его труд однообразный и скучный, начисто лишенный творческого начала. Развитие науки также породило профессиональную ограниченность, или, как называл это явление Маркс, профессиональный идиотизм, т. е. формировало людей с гипертрофированным развитием одной узкой умственной способности. Не случайно одно время образ ученого-чудака, беспомощного во всем и глухого ко всему, что выходит за рамки его узкой специальности, стал ходячим комическим персонажем (классический пример — Паганель, энтомолог из романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта»). Иногда такого ученого называют даже ученым-дикарем, который невежествен во всем, что не входит в круг его познания. Причем такой ученый, особенно в свете требований, предъявляемых к современным представителям науки, даже опасен, поскольку он является невеждой не в обычном понимании слова, а невеждой с амбицией на образованность. У него постепенно вырабатывается особый тип мышления, заикленного на узком участке деятельности, неспособного и не стремящегося к самостоятельной оценке общей ситуации в науке и современном мире. Вот этот-то ученый, как и любой другой обыватель и мещанин, может легко оказаться во власти любого ловкого политического демагога, поверить в любой обман и ложь. В этой связи имеет смысл напомнить ситуацию в фашистской Германии. Как могло случиться, что в этой стране с развитой наукой, многочисленными специалистами, преуспевающими в своих областях, конструирующими великолепные машины и оборудование, так быстро восторжествовала идеология фашизма и большинство ученых уверовало в фашистский миф нации, жизненного пространства и пошло по пути сотрудничества с гитлеризмом? Безусловно, немалую роль сыграло здесь и то, что большинство из этих ученых как кроты сидели в тесных норах своей узкой специальности и не отдавали себе отчета в том, что творят, не имели правильного представления об общей социальной картине мира. Альберт Шпейер, бывший министр вооружения гитлеровской Германии, в одном из своих высказываний на Нюрнбергском процессе дал точный диагноз ситуации отсутствия самостоятельного мышления у многих людей XX века. Он сказал: «...в XX веке, величайшем столетии техники, люди научились изготавливать мифы также надежно и с той же целью, что пулеметы или бомбардировщики. Появились искуснейшие специалисты этого дела, мастера мифотворчества. В этом отношении миф расы, или миф

крови, или миф фюрера были, по существу, своеобразным видом оружия, может быть более страшным, чем любой сверхтанк или пушка. Они поражали самый главный участок — человеческий мозг и подчинили себе человека целиком, без остатка».

Правда, тут же он добавляет: «Не состояла ли в этом и моя личная трагедия?» Но оставим это последнее рассуждение на его совести. Шпейер не был жертвой фашистской пропаганды. Он сам был одним из инициаторов фашистского режима и непосредственно участвовал в его идеологическом обосновании. Нас здесь интересует само содержание его высказывания¹⁶.

Дело не только в том, что человек, замкнувшийся на одной узкой специальности, обкрадывает себя, становится частичным и односторонним, легко подверженным иллюзиям и обманам со стороны политиканов, дело еще и в том, что в настоящее время узкая специализация становится тормозом в развитии самой науки. Да и в прошлом все великие открытия, переломные моменты в развитии науки, как правило, были связаны с именами людей, которые были универсально образованными, могли выйти за рамки своего предмета (парадигмы) и шире взглянуть на мир. Не случайно А. Эйнштейн так высоко ценил весьма далекие от физики произведения Ф. М. Достоевского и утверждал, что чтение книг Достоевского дало ему больше в смысле научных прозрений, чем изучение специальных работ по физике.

Современный уровень науки больше, чем когда-либо, требует от исследователя уже не простого знания фактов и умения их классифицировать, а эвристической способности находить новое их освещение в свете разрабатываемых оригинальных концепций, и постоянной перестройки научной картины мира. Сегодня все крупные, поворотного, революционного характера открытия совершаются, как правило, не в рамках какой-либо отдельной, частной науки, а на стыке наук. Сейчас в науке возникло немало разного рода междисциплинарных направлений, интегрирующих в себе целый ряд отдельных дисциплин, появились науки с двойным названием (биохимия, биофизика и т. п.). Прав Г. К. Лихтенберг, который сказал: «Кто ничего не понимает кроме химии, тот и ее понимает недостаточно». А вспомним, что писал А. И. Герцен своему сыну: «Помни, что тебе в особенности недостает классического образования, т. е. того общего очеловечивания, которое именно и называется “гуманитарным”. При специальных занятиях естественными науками тебе будет мудро сделать многое, но несколько образовав себя чтением или посещением какого-нибудь курса философского, можешь воспитать себя сколько-нибудь в эту сторону. Без нее страшно то, что легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела»¹⁷. В контексте этих рассуждений можно привести иллюстрации и другого рода. Как известно, в Советском Союзе одним из наиболее эффективных (элитарных) учебных заведений являлось МВТУ имени Н. Э. Баумана. Это был в полном смысле флагман в подготовке специалистов в области физико-технических дисциплин. Выпускников этого института стремились распределить к себе директора предприятий как гражданского, так и оборонного назначения. Они и впрямь среди выпускников

¹⁶ Сагатовский В. Н. Вселенная философа. — М.: Молодая гвардия, 1972. — С. 90–91.

¹⁷ Герцен А. И. А. А. Герцену // Сочинения. — Т. 9. — М., 1958. — С. 449.

всех вузов страны были наиболее достойными. Однако, как это ни странно может показаться на первый взгляд, из среды этих прекрасно подготовленных специалистов не выявилось впоследствии ни одного крупного ученого с мировым именем, получившего Нобелевскую или какую-либо другую престижную международную премию.

В чем же причина этого явления? Любой, кто даст себе труд поразмыслить над этим вопросом, однозначно ответит: узкая специализация образования. Узкоспециализированный исследователь, ученый, инженер способен на частные новшества, усовершенствования в рамках своей профессиональной деятельности, но он не способен на революционные открытия в науке, за которые получают Нобелевские премии.

Следует остановиться еще на одном моменте. Все мы знаем, что науки обладают способностью служить людям, но вместе с тем фактом является использование их результатов во вред человечеству, когда освобожденные техническим разумом колоссальные природные силы нередко обращаются против самих людей. Убедительным свидетельством этого является трагедия Хиросимы и Нагасаки. Возникает большая социальная проблема — направить научно-технический прогресс на благо человека, научиться управлять достижениями научной мысли. Ученый же, занятый исключительно в узкоспециализированной области, зачастую не ведает, что творит. Один из руководителей Международного союза охраны труда Жан Дорст в своей книге «До того, как умрет природа» пишет: «...степень цивилизации измеряется не только количеством киловатт, производимых энергоустановками. Она измеряется также рядом моральных и духовных критериев, мудростью людей, движущих вперед цивилизацию...». Поэтому, чтобы не творить, не изобретать, не конструировать того, что в будущем может повредить человеку и обществу, ученый, в какой бы области он ни работал, должен быть по крайней мере гуманитарно образованной личностью, исходить из понимания целостности мира и хоть в какой-то мере иметь представление о тенденциях и векторах развития современного ему социума.

Сюжет 7. Когда в Советском Союзе был запущен в космос первый искусственный спутник Земли, а через некоторое время — космический корабль с человеком на борту, политики и ученые в США впали в замешательство и даже испуг. Америка была потрясена полетами первых русских спутников. Стало ясно, что Советский Союз создал более совершенную систему образования и подготовки научных кадров, прежде всего физиков и математиков. Среди американских специалистов такого же профиля даже стала популярной шутка: «Или мы должны срочно заняться физикой и математикой, или нам придется учить... русский язык».

Но американцам, видимо, не очень хотелось изучать русский язык. Они решили обойтись своими силами. С этой целью ими была разработана программа «Мерит», к реализации которой они и приступили. В соответствии с этой программой в течение ряда лет из каждого старшего класса всех школ отбирали по четыре наиболее способных и перспективных ученика. Ежегодно таких детей насчитывалось около 600 тысяч. Затем из этой многочисленной массы творчески одаренной молодежи выявляли путем усложненных тестов около 35 тысяч юношей и девушек с наилучшими показателями развития наиболее подходящих для дальнейшей интенсивной учебы. Их обеспечили высокими стипендиями, субсидиями, принимали без экзаменов в лучшие кол-

леджи, им создавали максимально благоприятные условия. Интересно то, что в специальных колледжах, которые были созданы для обучения этих наиболее талантливых молодых людей математике и физике, учебная нагрузка по дисциплинам распределялась весьма странным, на первый взгляд, образом: около 50 % от общего ее объема отводилось на преподавание различного рода социогуманитарных дисциплин, которые, казалось, не имеют никакого отношения к будущей специальности обучающихся. Но еще более удивительным было другое: в общежитиях, где проживали эти студенты, приглашали художников, музыкантов, философов и т. д. без четкого определения их прямых обязанностей. Они должны были создавать определенного рода атмосферу, которая препятствовала заикленности молодых людей на своей узкой профессии, т. е. выступала бы как противоядие в отношении «профессионального идиотизма», или «профессионального кретинизма». Организаторы программы «Мерит» ясно отдавали себе отчет в том, что человек, лишенный широты взглядов, не обладающий высоким общим развитием и обобщающим мышлением, не способен на революционные поворотные открытия в науке. Программа «Мерит» — поучительный пример мобилизации государством интеллектуальных ресурсов общества. Эта программа в немалой степени способствовала успешному развитию в США новых космических технологий. Она, в конечном счете, наряду с прочим, конечно, обеспечила победу Америке в соревновании с Советским Союзом в области освоения космоса.

Сюжет 8. Важно понять, что социально-гуманитарные науки раскрывают причины, механизм и характер происходящих в обществе процессов, мотивы человеческих действий, обосновывают социокультурные ценности, которые определяют тактику и стратегию развития общества, выявляют место и роль в этом процессе науки, экономики и политической деятельности. Существенной их особенностью является использование накопленного опыта для социализации и инкультурации личности, для освоения ею определенных навыков и умений во всех областях профессиональной деятельности: политики, правопорядка, воспитания и т. п. Отсюда ясно, насколько важна для гарантированного развития общества поддержка социогуманитарных наук государством, другими социальными институтами и использование при разработке тактики и стратегии развития важнейших социальных сфер и принятии решений управляющими органами научно обоснованных данных и рекомендаций, касающихся человека и общества.

Задача как раз и состоит в том, чтобы создать условия и возможности обществу изобрести все проблемное поле социума — страны, региона, человечества в целом, — выдвинуть альтернативные, конкурирующие модели, раскрыть в богатстве всех определений самые разнообразные проявления общественной жизни. Только имея такого рода познавательную базу, политики, болеющие за судьбы и перспективы развития своих народов, будут в состоянии принимать оптимальные общественно-значимые решения и осуществлять адекватный реальной ситуации исторический выбор путей развития страны и общества.

Не дай Бог, чтобы по прошествии какого-то времени кому-нибудь из наших деятелей пришлось повторить высказывание Ю. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем. Да вот как бы не было поздно.